

Рыцарь метаметафоры

Новые Известия - 2002 - 22 июня - с. 6

Лауреатом Пастернаковской премии в номинации «Артист в силе» стал поэт Александр ЕРЕМЕНКО

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Союзписательский официоз советской эпохи получил еще один хук поддых. Время все ставит на свое место. Еще раньше лауреатом премии Аполлона Григорьева стал Иван Жданов. Не награжденным из легендарной триады остался пока Алексей Паршиков, живущий сейчас в Кёльне, но его мировая известность и так достаточно велика.

В 1976 году я впервые провел в ЦДРИ вечер трех никому не известных поэтов, но лишь восемь лет спустя в «Литературной газете» под заголовком «Что за сложностью?» была напечатана статья С. Чупринина, где обильно цитировалось мое предисловие к поэме Паршикова «Новогодние строчки» с ключевым словом «метаметафора». Как автор приведу эти высказывания без кавычек. Метаметафора отличается от метафоры, как метаталантика от галактики. Привыкайте к метаметафоре! Она безгранично раздвинет пределы вашего слуха и зрения.

В те времена стихи Еременко все еще не печатались, и узнать о них можно было на уровне фольклора и самиздата. Впрочем, позже был еще один вечер трех поэтов, опять же в ЦДРИ. Тут же КГБ нанес визит устроителям вечера. Потребовали, чтобы этого больше не было. Но это было! Была глубокая метафизика, от которой со времен Александра Блока русская поэзия, казалось, отошла навсегда. А если мы вспомним трескучую рифмованную комсомольско-идейную галиматю 70-х годов, то на ее фоне стихи Еременко тех лет покажутся настоящим чудом.

Я смотрю на тебя из настолько глубоких могил, / что мой взгляд, прежде чем до тебя добраться, раздвоится. / Мы сейчас, как всегда, разыграем комедию в лицах. / Тебя не было вовсе, и, значит, я тоже не был.

Во-первых, так никто не мыслит. Во-вторых, так никто не видел. В-третьих, это ни на кого не похоже. Не футуризм, не символизм, не обериуты, не концептуализм, не совет-

Александр Еременко.

ская, не постсоветская поэзия — что же? Метаметафора.

Я вспоминаю о том раннем, метафизическом Еременко 70-х годов, когда он из Барнаульской дали прибыл в Москву и поступил, хлебнув уже армейской баланды, в Литературный институт. В тот год я входил в состав приемной комиссии и присутствовал на собеседовании. Входит стриженный чуть ли не «под горшок» парень в спортивной майке. Ректор, набывчившись, вопрошает:

— Вы работали на комсомольской стройке Сибири. Почему вы ее покинули?

— Вы разве не знаете, что комсомол — это мертвое тело? — отвечает Еременко.

— Это комсомол-то мертвое тело?! Где ваш комсомольский билет?

— Остался в пиджаке, я же в майке, жарко.

— Ах, жарко? А я вот в пиджаке, и партийный билет при мне, здесь, в кармане. Ладно, выйдите.

Еременко вышел. Я понес какую-то чушь, чтобы защитить парня, хотя еще не видел и не слышал его стихов: «Он хороший парень, из Сибири, просто еще не обтесался в Москве». Ректор смотрел на меня каким-то особым, сквозным, невидящим в упор взглядом. Потом пробурчал: «Пусть войдет». Еременко вошел, чтобы выслушать приговор. Ректор прохрипел: «Идите, сдавайте экзамены». Это была одна из тех малых побед, ради которых стоило преподавать в Литинституте. Кстати, Еременко так его тогда и не закончил, спо-

Андрей Вознесенский вручает премию имени Пастернака.

ткнувшись на идеологической ахинее научного коммунизма. Это все, конечно, фон, на котором возникла новая поэзия последней трети XX века.

Печатными буквами пишут доносы. / Закрою глаза и к утру успокоюсь, / что все-таки смог этот мальчик курносый / назад отразить громышающий конус. / Сгоревшие в танках вдыхают цветы. / Владелец тарана глядит с этикеток. / По паркам культуры стада статуэток / куда-то бредут, раздвигая кусты.

Впрочем, параллельно существовал и другой Еременко. Не метафоричный, не метаметафорический. Он мне нравился и нравится намного меньше, хотя именно иронист Еременко породил массу подражателей и последователей от Иргеньева до Кибирова.

Я мастер по ремонту крокодилов.

/Окончил соответствующий вуз. / Хочу пойти в МГИМО, но я боюсь, / что в эту фирму не берут дебилов.

Эти строки мне впервые процитировал Паршиков. Я сказал, что это для «Крокодила» или 16-й полосы Литгазеты. Позднее, когда Паршиков, Еременко и Жданов стали все чаще и чаще бывать у меня, я понял, что и в этих стихах таится поэзия.

«Я заметил, что сколько ни пью, все равно выхожу из запоя», — сегодня это стало почти пословицей, но «выходя из запоя», Еременко становился все менее метафизичен. Его тянуло к лубку и плакату.

Сгорая, спирт похож на пионерку, / которая волнуется, когда / перед костром, сгорая от стыда, / завязывает галстук на примерку.

Потом вдруг оказалось, что истинным призванием Еременко стал центон.

Я пил с Мандельштамом на Курской дуге. / Снаряды взрывались и мины. / Он кружку железную жал в кулаке / и плакал цветами Марини. / И к нам Пастернак, по окопу скользя, / сказал, подползая на брюхе: / «О, кто тебя, поле, усеял тебя / седыми майорами в брюках».

Однажды Еременко вдруг уехал в Саратов и написал мне оттуда длинное письмо, что ходит с повязкой на одном глазу, поскольку до этого я рассказывал студентам, что объемное зрение возникает только благодаря тому, что у человека есть два глаза. Поэт хотел сначала увидеть плоский мир — одним глазом, а затем, сняв повязку, заново обрести объем, чтобы по аналогии почувствовать, как это будет, если из видимого объемного трехмерного мира выйти в мир четырехмерный. Я с интересом читал это письмо, но еще больше меня интересовали вложенные в конверт стихи.

Сегодня я задумчив, как буфет, / и вынимаю мысли из буфета, / войди, мой друг, в святилище сонета, / как в дорогой блестящий туалет. / На раскладушке засыпает Фет, / и тень его, косящая от Фета, сливаясь с тенью моего буфета, / дает простой оптический эффект.

Но больше всего меня поразили строки о языке — явная вариация на тему строк пушкинского «Пророка» — «и он к устам моим приник и вырвал грешный мой язык».

Прости, Господь, мой сломанный язык / за то, что он из языка живого / чрезмерно длинное, неправильное слово / берет и снова ложит на язык. / Прости, Господь, мой сломанный язык / за то, что, прибежав на праздник слова, / я произнес лишь половину слова, / а половину спрятал под язык.

Стихотворение оказалось пророческим. Еременко замолк. Уже десять лет он не пишет. Где-то на заре перестройки его избрали королем поэтов. Он вполне достоин этого титула. Но половина его поэзии действительно спрятана «под язык». Кто еще из поэтов отважился на такое — умолкнуть в силе и в славе? Многие его стихи стали почти пословицами: «Я женщину в небо подбросил, и женщина стала моя». Это он и о женщине, и о своей музе. «Он женщину в небо подбросил, и женщина в небе висит», — согласитесь, что это метаметафора в чистом виде.